

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-918-933
УДК 81:001.8

Научная статья / Research article

Актуальные направления современной лингвистики с позиций системного подхода. Некоторые размышления об итогах научной стажировки в РУДН «Общая и частная методология филологической науки» 2019 года

О.И. Валентинова, В.Н. Денисенко, М.А. Рыбаков✉

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
✉rybakov_ma@rudn.ru

Аннотация. Статья посвящена обсуждению типовых для современной научной парадигмы вопросов с позиций системной лингвистики, мощный объяснительный потенциал которой остается вне поля зрения массовых направлений лингвистической науки, и постановке новых научных проблем как результата плодотворной экстраполяции системного подхода на области филологии, не рассматриваемые основоположниками системной лингвистики. Рассмотрения в понимании объекта, предмета и метода в отечественной когнитивной лингвистике и зарубежной, приводящие к утрате международного характера языкознания, обсуждение крайне болезненных для российской «когнитологии» вопросов о познавательной бесперспективности термина «концепт» и применения «когнитивного» подхода в исследовании дискурса и текста, нарушения преемственности между высшими достижениями отечественной и зарубежной научной мысли и популярными современными направлениями лингвистических исследований — вопросы, рассматриваемые в первой части статьи. Далее с позиций системной типологии языков рассматриваются активные процессы современной русской речи. В свете предпринятого подхода факты, кажущиеся разрозненными с позиций культуры речи, с позиций системной типологии языков предстают подчиненными общей тенденции — деформации морфологического типа русского языка в направлении разрушения флективности. Результатом наблюдаемых типологических перестроек становится снижение возможности передавать высокоинтеллектуальные смыслы. Объяснение принципов организации стихотворной речи в соотнесении с системной типологией языков — пример успешного применения С.Ю. Преображенским теории основателя современной лингвистики в области, крайне далекой от научных интересов Г.П. Мельникова. Если совпадение границ стиха с границами словосочетания внутри предложения означает превалирование естественного, то есть свойственного типу естественного языка, на котором написано стихотворение, принципа членения, то несовпадение границ говорит о стихотворной технике, стремящейся подчеркнуть, что стихотворное высказывание призвано выполнять особые коммуникативные задачи, приводящие к перенастройке стихотворного синтаксиса на другие типы языков. Перспективность актуализации системного подхода в современных семантических исследованиях грамматики и

© Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Рыбаков М.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

лексики обсуждается в заключительной части статьи. Полученные в ходе исследований, представленных в статье, результаты становятся доказательной базы высокой перспективности использования достижений системной лингвистики в современных исследовательских практиках.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, семантика, системный подход, современные языки, типология, функционирование языка

Финансирование. Благодарности

Работа выполнена в рамках Гранта РФФИ 19-012-00014 «Реконструкция концептуального содержания понятийных полей системной лингвистики»

История статьи:

Дата поступления: 01.12.2020

Дата приема в печать: 01.06.2021

Для цитирования:

Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Рыбаков М.А. Актуальные направления современной лингвистики с позиций системного подхода. Некоторые размышления об итогах научной стажировки в РУДН «Общая и частная методология филологической науки» 2019 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 918—933. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-918-933

UDC 81:001.8

Topical Trends of Modern Linguistics with the Positions of the Systemic Approach. Some Thoughts on the Results of a Scientific Internship at RUDN University “General and Specialized Methodology of Philological Science”, 2019

Olga I. Valentinova, Vladimir N. Denisenko, Mikhail A. Rybakov✉

RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198
✉rybakov_ma@rudn.ru

Abstract. The article describes disputes about current issues of the modern scientific paradigm from the standpoint of systemic linguistics, whose powerful explanatory potential remains beyond the scope of the mass trends of linguistic science, and the formulation of new scientific issues as a result of a fruitful extrapolation of the systemic approach to the fields of philology that are not considered by the founders of systemic linguistics. In the first part of the article we considered differences in understanding the object, subject and method in Russian and foreign cognitive linguistics, leading to the loss of the international nature of linguistics, discussion of extremely painful issues for the Russian “cognitive science” about the cognitive futility of the term “concept” and the application of the “cognitive” approach in the study of discourse and text, violation of the continuity between the highest achievements of Russian and foreign scientific thought and the popular modern areas of linguistic research. Further in the article, the standpoint of a systemic typology is applied to the active processes of modern Russian speech. In the light of the approach taken, the facts that seem disparate from the standpoint of the culture of speech, from the standpoint of the systemic typology of languages, appear interconnected and determined by a general

tendency — the deformation of the morphological type of the Russian language in the direction of the destruction of inflectivity. The result of the observed typological changes is the reduction in the possibility transfer highly intellectual meanings. An explanation of the principles of the organization of poetic speech in relation to the systemic typology of languages is an example how successfully S.Yu. Preobrazhensky applied the theory of the founder of modern systemic linguistics in the field which is far from interests of G.P. Melnikov. If the coincidence of the boundaries of the verse with the boundaries of the phrase within the sentence means the prevalence of the natural, that is, characteristic of the type of natural language in which the poem is written, principle of division, then the mismatch of boundaries speaks of a poetic technique that seeks to emphasize that the poetic statement is called upon to perform special communicative tasks leading to reconfiguring poetic syntax to other types of languages. The prospects of updating the systemic approach in modern semantic studies of grammar and vocabulary are discussed in the fourth and final part. The obtained results, which are set out in the article become the evidence base of the high potential for using the achievements of systemic linguistics in modern research practices.

Key words: cognitive linguistics, semantics, systems approach, modern languages, typology, language functioning

Financing. Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-012-00014 “Reconstruction of the conceptual content of the conceptual fields of systems linguistics”

Article history:

Received: 01.12.2020

Accepted: 01.06.2021

For citation:

Valentinova, O.I., Denisenko, V.N. & Rybakov, M.A. (2021). Topical Trends of Modern Linguistics with the Positions of the Systemic Approach. Some Thoughts on the Results of a Scientific Internship at RUDN University “General and Particular Methodology of Philological Science”, 2019. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 918—933. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-918-933

Введение

Состояние современной лингвистической науки, причины формирования ставших массовыми приоритетных направлений на фоне резкого ослабления интереса к типологическому и историческому языкознанию — наукоемким и материалоемким отраслям языкознания, сформировавшим науку о языке, — таков круг вопросов, предложенных коллегам для обсуждения организаторами стажировки в 2019 году.

Анализ расхождения в понимании объекта, предмета и методов исследования когнитивной лингвистики в российской науке и в западной гуманитарной традиции, оценка происходящего с позиций системной лингвистики, в основании которой лежит фундаментальное положение В. фон Гумбольдта о необходимости всестороннего анализа любого языка как манифестации некоего языкового типа, элементы, характеристики и связи внутри которого детерминированы общим организующим принципом, были представлены М.А. Рыбаковым.

Понимание активных процессов, происходящих в современной русской речи, с позиций системной лингвистики, анализ причин и последствий типологической деформации русского языка, проблема возможного рассогласования внешней и внутренней детерминант были представлены О.И. Валентиновой.

Концепцию С.Ю. Преображенского, в основании которой лежит экстраполяция объяснительных возможностей системной типологии языков — раздела системной лингвистики, формулирующего типологическое своеобразие языкового строя через установление особенностей внутренней формы каждого из типов, на организацию стихотворной речи, обобщила и впервые в полноте изложения представила научной общественности для обсуждения О.Я. Бараш.

Исследовательский потенциал системного метода стал предметом обсуждения и на научной конференции, которой заканчивается программа стажировки, ставшая публичной площадкой для обмена опытом постановки и исследования научных проблем.

Какой подход к языку может называться когнитивным?

В эпоху, когда техническая возможность стремительного обмена информацией, в том числе научной, стала фактом повседневной жизни, а естественное стремление — в общем движении к пониманию — обсудить с коллегами новые идеи все более вытесняется побуждением (хотя точнее было бы говорить о принуждении) к тиражированию условно научной мысли в списках рекомендуемых изданий, наука, как это ни парадоксально, уверенно теряет международный характер.

В гуманитарной мысли этот процесс проявляется не только в сферах, далеких от массового интереса, но и в магистральных направлениях современных исследований, к каковым относится отчетливо выделившийся на рубеже XX—XXI веков «когнитивный подход» в психологии, географии... и лингвистике.

Несовпадение объекта, предмета и методов исследования в российской и западной «когнитивных лингвистиках», породив терминологическую омонимию в отношении самого понятия «когнитивная лингвистика», спровоцировало ситуацию устойчивого непонимания.

Зарубежная когнитивная лингвистика возникла в начале 1980-х годов в полемике с теоретическими положениями генеративной теории языка. Если генеративная грамматика ставила в центр исследований внутреннюю формальную структуру языка и прежде всего его синтаксическую структуру, полностью исключая из сферы интересов языкознания вопросы семантики, то когнитивная лингвистика привлекла внимание к семантическим вопросам, а-соотнося их с проблемой взаимосвязи языка и мышления, точнее, с ролью языка в восприятии и познании действительности, в структурировании мыслительной деятельности человека. Когнитивный подход был противопоставлен генеративному как семантический — асемантическому.

В зарубежной когнитивной лингвистике язык, а не корпус всех созданных текстов, как в дескриптивной лингвистике, стал рассматриваться как часть сознания, а исследование языка стало пониматься как способ изучения

сознания. В Соединенных Штатах Америки и других англоязычных странах выделились основные объекты когнитивных исследований:

- исследование процессов порождения и понимания речи, использование полученных психолингвистикой экспериментальных данных в построении общей теории языка;

- исследование принципов категоризации, то есть формирования в естественных человеческих языках понятий и границ между понятиями, отражающими некоторый фрагмент внешнего мира: при этом языковые значения и понятия как единицы сознания принципиально не разграничиваются и по-английски именуется единым термином *concept*;

- исследование типов понятийных структур: фреймов [2], идеализированных когнитивных моделей и прототипических эффектов [3. С. 99—110], позициональных структур [4], образно-схематических структур [5], когнитивно-семантических суперкатегорий [6];

- исследование пространственных отношений и типов концептуализации движения в языке. Дж. Лакофф считает значимыми для сознания некоторые из образных схем (вместилище, часть-целое, путь, связь) и уделяет им особое внимание. Л. Талми [6] наиболее подробно разработал категорию конфигурационной структуры, подробно исследуется пространственное сознание в публикациях Р. Джэкендоффа [7] и Р. Лангакера, считающего пространственные категории универсальным образным фундаментом для концептуализации более абстрактных явлений окружающей человека реальности [5];

- исследование телесного базиса человеческого сознания и языка, то есть исследование зависимости категоризации от физических и биологических характеристик человека как вида [8];

- исследование метафорических и метонимических отношений в языке [8].

Необходимо отметить, что мысль о связи языка с психическими, в том числе познавательными процессами, которая стала и продолжает оставаться революционной для американской лингвистики второй половины XX века, в которой генеративное направление является господствующим и сегодня, в отечественной науке, продолжающей традиции А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ и других основоположников системного подхода к языку, была исходно основополагающей. На эту связь отрасли лингвистики, изучающей соотношение языка и сознания, с трудами основоположников системной лингвистики обратили внимание Л.А. Араева и ее соавторы: «Внутреннюю форму языка можно рассматривать как мирозерцание, систему знаний, репрезентирующую национальный характер данного языка» [9. С. 33], указав на следующее высказывание И.А. Бодуэна де Куртенэ: ««в языке, или речи человеческой, отражаются различные мировоззрения и настроения как отдельных индивидов, так и целых групп человеческих» [10. С. 79]. Многие в исследовании связей речевых и мыслительных процессов было сделано советской школой психолингвистики [1. С. 15]. В определенном смысле можно утверждать, что российская лингвистика XX века, не называя себя таковой, уже была когнитивной.

Примером успешной интеграции традиционных исследований в области словообразования и лексикологии русского языка и когнитивных методик анализа является разработанное Л.А. Араевой и коллегами пропозиционно-фреймовое моделирование, которое «позволяет представить исследуемое явление как продукт речемыслительной деятельности индивида, активно функционирующий в коммуникации», а «в перспективе обеспечивает возможность создания пропозиционно-фреймового словаря синонимов, что позволит расширить горизонты видения познавательных возможностей человека и его креативности» [11. С. 44].

В последние 20 лет в российском знании «когнитивный подход», о котором только изредка упоминали в публикациях 1990-х годов, провозглашается регулярно и в нарастающем количестве.

Однако в современных русскоязычных публикациях основной и чаще всего единственной задачей подхода, объявляемого когнитивным, становится описание так называемых концептов, по сути — специфических лексических значений и соотносимых с ними культурных реалий. В то же время в зарубежной когнитивной лингвистике понятие концепта отсутствует как таковое. В переводе на русский язык книги Дж. Лакоффа и М. Джонсона в примечании редактора специально отмечается: «Здесь и далее английский термин *concept* переводится и словом «концепт», и словом «понятие». Синонимично используются и производные прилагательные «концептуальный» и «понятийный» [8. С. 25]. Такое решение представляется вполне обоснованным, поскольку в английском языке *concept* и означает ‘понятие’. Не существует в англоязычной научной литературе и противопоставления понятия и лексического значения, так как тезис о единстве языковых и ментальных категорий является одним из фундаментальных положений зарубежной когнитивной лингвистики. Скажем, в учебнике по когнитивной лингвистике В. Эванса и М. Грин отдельная глава посвящена обоснованию тезиса о том, что «значение энциклопедично по своей природе» [12. С. 206]. Сторонники зарубежной когнитивной лингвистики настаивают на психическом тождестве понятия и значения, семантики и прагматики, смысла и референции, словарного и контекстуального смысла [12. С. 206—213]. Никак не комментируя и даже не упоминая эти положения, авторы многочисленных отечественных публикаций последних лет приводят длинные списки определений концепта и уделяют значительное место построению трехэтажной конструкции «концепт — понятие — значение» и обоснованию различий между этими терминами.

Характерный пример толкования понятия *концепт* в отечественной лингвистике: «Концепт, имеющий, в отличие от логического понятия сублогическую природу, понимается как обобщенное мыслительное отображение какого-либо фрагмента физической или психической реальности в картине мира этноса, социума или личности, реализующееся в иерархии языковых знаков естественного языка» [13. С. 176]. Очевидно, что из этого определения невозможно вывести отличие концепта от понятия: понятия тоже отражают фрагменты действительности и выражаются в иерархии языковых знаков, то

есть не всегда словами, а иногда их лексико-семантическими вариантами или словосочетаниями.

Необходимо отметить, что различие между двумя «когнитивными» лингвистиками уже отмечалось [14], однако трудно согласиться с выводом о том, что изложение принципов и методов когнитивной лингвистики «следовало бы проводить не в рамках сопоставления с теорией и практикой генеративизма и бихевиоризма, которые малоизвестны нашей научной молодежи, а с позиций сопоставления с теорией и практикой отечественной лингвистики» [14. С. 298]. Представляется, что любое научное направление имеет смысл рассматривать прежде всего в исторических условиях, в которых оно возникло, а далее — восприятие этого направления в других научных традициях. Что же касается генеративизма, то независимо от оценки его объяснительных возможностей, с ним было бы полезно хотя бы познакомиться. Точно так же по меньшей мере странно обсуждать проблемы когнитивной лингвистики, не имея представления о том, когда, где и почему возникло направление, названное когнитивным много ранее.

Американская когнитивная лингвистика сформировалась, как мы уже говорили, во-первых, как оппозиция генеративному направлению по вопросам об автономности языка и его уровневой структуре, а также по вопросу о характере человеческого мышления. Когнитивная лингвистика противопоставляет модулярному подходу (представлению о языке как об автономном модуле человеческого мышления и поведения) холистический подход, основанный на понимании языка как открытой системы и как человеческой способности, имеющей когнитивную природу и входящую в общий ряд с иными формами познания мира [1. С. 26]. Когнитивная лингвистика рассматривает язык как целостную систему, в которой онтологически нет деления на уровни (фонетику, морфологию, синтаксис) или модули (фонологию, грамматику, семантику) [1. С. 27]. Человеческое мышление с позиций когнитивного подхода считается не алгоритмом обработки абстрактных символов, а воплощенным (зависимым от человеческой телесности) и опирающимся на опыт восприятия. Понятия не противопоставляются образам и характеризуются как имеющие целостную структуру (гештальтные) [1. С. 13].

Во-вторых, когнитивная лингвистика оспаривает не только основы генеративного подхода, но и отдельные общепринятые положения классической философии, а точнее, такие ее проявления, как объективизм и субъективизм [8. С. 210—212]. В когнитивной лингвистике критикуется представление о том, что мышление абстрактно, логично и нематериально, а понятия атомарны и отчетливо отделены друг от друга [3. С. 13], и доказывается прежде всего на основе наблюдений и экспериментов (нейрофизиологических, психологических и лингвистических), что мысль материальна, образна и не всегда логична, а категории (понятия) не являются закрытыми и изолированными множествами признаков или объектов, опираются на принцип фамильного сходства и включают центральные (прототипические) и нецентральные

элементы. Дж. Лакофф перечисляет традиционные представления, которые он считает важным исключить из методологических оснований науки:

«— Значение основано на истинности и референции, оно имеет дело с отношением между символами и вещами в мире.

— Биологические виды являются естественными родами, выделенными на основе общих признаков.

— Разум отделен и независим от тела.

— Эмоции лишены концептуального содержания.

— Грамматика имеет дело с чистыми формами.

— Мышление трансцендентально <...>

— Все люди, мысля, используют одну и ту же понятийную систему» [3. С. 24—25].

Вместо приведенных выше положений Дж. Лакофф выдвигает следующие:

— значение является языковым понятием, а «мышление в целом есть нечто большее, чем простое оперирование абстрактными символами» [3. С. 13];

— «биологические виды демонстрируют прототипические эффекты» [3. С. 252], то есть научная классификация сталкивается с той же проблемой, что и обыденное сознание: наличие в категории типичных представителей и периферийных элементов [3. С. 28—85];

— «мышление является *воплощенным*. Это означает, что структуры, образующие нашу концептуальную систему, имеют своим источником наш чувственный опыт и осмысляются в его терминах; более того, ядро нашей концептуальной системы непосредственно основывается на восприятии, движениях тела и опыте физического и социального характера» [3. С. 13];

— эмоции тесно связаны с мышлением, и структура категорий, находящихся в центральной зоне мышления «обусловлена механизмами человеческого воображения — способностью формировать ментальные образы, хранить знания на определенном уровне категоризации и осуществлять коммуникацию» [3. С. 482];

— «между грамматикой и лексиконом имеется континуум переходов» [3. С. 599] и сама грамматика включает концептуальное содержание, организованное по тем же принципам, что и в лексике, в частности, «синтаксические категории и грамматические отношения имеют радиальную структуру, с прототипическим центром, который является семантически предсказуемым» [3. С. 598];

— «мышление не является абстрактным и нематериализованным явлением, в котором проявляется некая трансцендентальная рациональность» [3. С. 480];

— понятия и системы понятий в сознаниях разных индивидов отличаются, так возникают на основе индивидуального опыта [3. С. 260—287].

Понятно, что в современном российском языкознании имело место не заимствование выработанных западной лингвистикой принципов и подходов, а беспринципное заимствование термина, который стал употребляться для иных по своим задачам и методам исследовательских программ —

лингвокультурологической и дискурсивной. В отличие от языкознания, в психологии термин используется целесообразно — для наименования одного из разделов этой науки, а именно психологии восприятия, а также для наименования нового междисциплинарного подхода, связывающего проблемы восприятия с проблемами языка и сознания.

Если в 90-е годы XX века о когнитивной лингвистике речь идет большей частью в обзорах зарубежных публикаций, то позднее — с расширением популярности термина — снижается его смысловое наполнение: термин «когнитивная лингвистика» все больше превращается в модную этикетку. Результатом маркетингового подхода в науке становится бессмысленное усложнение лингвистической терминологии и «украшение» традиционных терминов модным определением: *когнитивная фразеология, паремиология, дериватология, морфология...*

Какие тенденции в функционировании языка должны вызывать беспокойство? (о соотношении проблем культуры речи и типологии языков)

Культура речи — еще одно направление массового профессионального интереса, питаемое субъективно — простотой оценки «верно/неверно», и объективно — наблюдаемым в последние десятилетия катастрофическим падением речевой культуры носителей русского языка.

Ограниченность массово применяемого дидактического подхода не позволяет осознать общее направление погрешностей, усиленно распространяющихся во всех разновидностях литературного языка: недифференцированное употребление падежных форм, затемнение смысловых отношений в последовательностях родительных падежей, множественное число отвлеченных существительных, различие действующего лица сказуемого и деепричастия, замена существительных в косвенных падежах, выражающих сложные атрибутивно-обстоятельственные значения формой согласованного определения.

Однако факты, кажущиеся разрозненными с позиций культуры речи, с позиций системной типологии языков предстают подчиненными общей тенденции — деформации морфологического типа русского языка в направлении разрушения флективности.

Если сложная синтетическая флективная грамматика формируется в ведущих оседлый образ жизни сверхбольших культурно однородных языковых сообществах, то есть в условиях, когда надо обеспечить достоверную передачу информации, несмотря на длинную цепь ретрансляций, то изменение каких условий общения, определяющих типологию языка, стало причиной наблюдаемых сейчас типологических подвижек русского языка, внешне проявляющихся как речевые и грамматические ошибки? В направлении какого морфологического типа начал трансформироваться русский язык и каковы последствия происходящего?

Флективный язык, как показал основатель современной системной лингвистики Г.П. Мельников [20; 21], развивает предсказательную технику.

Простое двусоставное распространенное предложение флективного языка представляет собой первообразный текст, состоящий из простейших предложений, представленных падежами. Падеж понимается как средство обеспечения компрессии и формального выражения смысловой связности первообразного текста. Таким образом, простое предложение предстает особой синтаксической единицей, состав и структура элементов которой отображает состав участников события, схему их связей, иерархию их ролей, характер и степень их включенности в данное причинно-следственное взаимодействие. В простом двусоставном распространенном предложении, как, например, *Мама варит кашу детям* окончание существительного в именительном падеже –а (*мам-а*) обозначает инициатора события ‘она’ (*мам-а*: ‘мама делает’); основа глагола *вар-ит* обозначает суть события, а личное окончание закрепляет указание на инициатора действия (*вар-ит*: суть события + она — ‘тот, кто делает’), окончание существительного винительного падежа без предлога обозначает объект, претерпевающий на себе действие (*каш-у*: ‘каша делается’, *здесь* ‘варится’), окончание существительного дательного падежа –ям обозначает получателя результата действия (*дет-ям*: ‘дети имеют кашу’).

Ставшие массовыми нарушение согласования падежей, образование конструкций с несколькими существительными в родительном падеже с неясными семантическими отношениями, подмена согласованными определениями косвенных падежей существительных, выражающих тонкие оттенки атрибутивно-обстоятельственных отношений свидетельствуют о тенденции к утрате падежом функции обозначения точного места субъекта или объекта в схеме развивающегося события, а значит, свидетельствуют о сбое свойственной флективному языку предсказательной техники.

Эти факты не имеют ни жанровых, ни функционально-стилистических, ни социальных ограничений, все чаще формируют высказывания, отражающие результат решения, исключая досадную случайность, как, например, название учебной (филологической!) дисциплины (*Язык и межкультурные коммуникации*) или профессионального объединения (*Федерация психологов образования*).

Усиливающаяся свободная кореференция деепричастного оборота (*Выходя на улицу, вам вдвойне холодно* — реклама на федеральном канале телевидения) отражает только весьма условное соположение событий, а не их связь: *улица — вы — холодно — больше*.

Необходимо отметить, что в ином историческом контексте — вне ослабления функции падежа — свободная кореференция деепричастного оборота может выступать как проявление полисинтетизма, характерного для инкорпорации, а не растущего аналитизма, достигающего предела в корнеизоляции. Выдающийся славист П.М. Бицилли, противопоставляя дидактическому подходу, сформулированному в отношении деепричастного оборота еще М.В. Ломоносовым, типологический, видел в рассогласовании действующих лиц сказуемого и деепричастия, к слову, часто встречающемуся в и в переписке, и в литературных сочинениях классиков русской литературы, крайнее

проявление синтетичности языка, объясняя, что в сознании говорящего эти конструкции воспринимаются неразложимо, как один образ [15].

В текущей же ситуации установление значения даже содержательно не сложного высказывания часто невозможно вне обширного контекста.

Очень ценными в свете обсуждаемой проблемы представляются наблюдения профессора И.В. Труфановой, высказанные в ходе дискуссии, над изменившимся характером ошибок среди школьников: если раньше ошибки школьников поддерживали флективность русского языка, то сейчас — ее разрушают.

Если язык представляет собой саморегулируемую адаптивную систему, то почему наблюдаемое разрушение флективности русского языка вызывает такую озабоченность? Не следовало бы считать, что язык приспосабливается к меняющимся характеристикам внешней детерминанты, чтобы в новых условиях наиболее эффективно обеспечивать общение? Или возможно рассогласование внешней и внутренней детерминант? Но тогда к чему может привести это рассогласование?

Массовое снижение запроса на интеллектуальное общение постепенно может привести сначала — к сбою, а потом и к невозможности передавать культурный опыт посредством языка.

Ограничиваются ли объяснительные возможности системной типологии языков исследованием естественно складывающихся языковых систем?

Открытие С.Ю. Преображенского показало, что мощный объяснительный потенциал раздела системной лингвистики, выявляющего детерминанты, а значит, доказывающего и объясняющего системные взаимодействия и взаимосвязи всех ярусов языка и в четырех основных типах естественных языков, выделенных В. фон Гумбольдтом, и в их модификациях, обнаруживает себя и за пределами естественно складывающихся языковых систем — в стихотворной технике.

И вопрос, и парадоксальный ответ относятся к областям, крайне далеким от магистральных направлений современной лингвистики: теория Г.П. Мельникова слишком сложна для массового воспроизведения, круг профессиональных стиховедов — крайне ограничен.

Долгое и очень дружеское сотрудничество с Г.П. Мельниковым, возможность учиться у основателя современной системной лингвистики и работать вместе с ним, и поэтическое и научное дарования С.Ю. Преображенского сделали возможным появление того нового взгляда на понимание стиха, которого нашло свое выражение в концепции С.Ю. Преображенского.

На программе 2019 года концепция С.Ю. Преображенского впервые была представлена и раскрыта как завершенное целое его супругой и соавтором многих работ О.Я. Бараш. Полнотой впечатления от идей С.Ю. Преображенского мы обязаны именно О.Я. Бараш. В программах 2016, 2017 годов и в монографической работе «Системный анализ стиха» 2016 годах [16] концепция С.Ю. Преображенского не была отражена в полной мере.

С.П. Преображенский понимал стих как отрезок речи, имеющий некий внешний показатель границы, из тех, что не входят в число показателей границы высказывания или предложения, применяемых в данном языке, но, тем не менее, конвенциональный в указанной функции.

Хотя стих не обязательно равен предложению, в силу яркой выраженности своих границ, подчеркиваемых супraseгментными средствами — просодическими, а в большинстве случаев и графическими, с точки зрения семантического устройства стих стремится к наиболее полной конкуренции с высказыванием. С другой стороны, регламентированность, присущая стиху, придает ему свойства, сближающие его со словом.

Каждый стих рассматривается как подобие предложения, в пределах которого референция с неким событием осуществлена вне зависимости от формальной синтаксической полноты стиха. Совпадение границ стиха с границами словосочетания внутри предложения будет означать превалирование естественного принципа членения. Чем в большей степени этот принцип соблюдается, тем ближе стихотворная коммуникативная техника к апробированной самим языком. Несовпадение границ говорит о стихотворной технике, стремящейся подчеркнуть, что стихотворное высказывание призвано выполнять особые коммуникативные задачи.

Таким образом, предмет стихотворного синтаксиса во многом состоит в увязывании сведений об эволюции стиха, да и всего формального своеобразия стихотворной речи с представлением об изменении коммуникативных задач. Это подталкивает к обращению к опыту системной лингвистической типологии, решающей по сути дела сходные задачи, правда на гораздо более стабильном материале.

Иллюстрацией этих общих положений может служить такое явление, как enjambements у И. Бродского, для которого характерна минимальная собственно языковая полупредикативность: единицы внутри стиха — по большей части имена; отрезки не образуют правильного словосочетания; число глагольных сказуемых сокращается в пересчете на стиховой отрезок; грамматические свойства слова демонстративно подчиняются семантическим; сигнификативно маркируются коннотированные лексемы.

Это типологические характеристики инкорпорации, коммуникативный ракурс которой Г.П. Мельников назвал обстановочным (расчет на малый коллектив хорошо информированных о предмете сообщения адресатов).

Поэзия же А. Крученых и других футуристов, обращенная к толпе, к массам, звучащая на площадях, воспроизводит типологические свойства корнеизоляции.

В зависимости от коммуникативной задачи стихотворная речь может воспроизводить особенности каждого из морфологических типов языка.

Схемы и системы в грамматической и лексической семантике

Общение в ходе научной стажировки 2019 года исследователей из 30 университетов и образовательно-исследовательских организаций России,

Польши, Казахстана, Ирака позволило актуализировать еще один аспект лингвистической системологии — семантику (в том числе семантику терминов), проблемы которой Г.П. Мельников ставил во многих работах, в том числе в публикациях, специально посвященных этому вопросу: «О типах дуализма языкового знака» [17], «Языковой знак, значение и термин» [18], «Семантика и системная типология» [19], «Системная лингвистика и семиотические основания решения проблем семантики» [20; 21].

Внимание к вопросам семантики определяет глубину и качество научной мысли. Исследования И.В. Труфановой, представленные на программе научной стажировки, обращены к вопросам семантики в области лингвистики, наиболее пострадавшей и продолжающей страдать от формализации и схематизма, — в грамматике. В разработанных И.В. Труфановой лексикографических парадигмах русских местоимений [22, 23], в отличие от академических и вузовских грамматик, не просто учитывается тот факт, что для местоимений типичен переход из разряда в разряд, но и разрабатывается принцип определения исходного разряда (разряда, из которого местоимение переходит в другой разряд) и «вторичного» — того, в который местоимение переходит. Тонкая работа с контекстами, позволяющими точно установить значение, в том числе разные значения в пределах одного разряда, выявление общего и различного между местоимениями, близкими по значению, внимание к историческим изменениям значения, соотносит научную позицию И.В. Труфановой с принципами изучения грамматики, заложенными в работах Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, И.И. Срезневского, в основании которых лежит связь грамматики со смыслом.

Терминологические расхождения провоцируют ситуацию непонимания или недопонимания в самых разных областях знания и жизни. Исследования Т.В. Амосовой [24; 25] направлены на прояснение, а значит, в перспективе и преодоление этого расхождения в сфере переживающего стремительную глобализацию права: многие правовые понятия, англосаксонские по своему происхождению, воспринимаются как универсальные, входят в национальные правовые системы без учета культурных особенностей субъектов права: «Масштабные заимствования институтов, понятий и терминов англо-американского права в постсоветский период, как известно, порождали многочисленные проблемы и были связаны с существенными рисками для правовой системы России» [25. С. 39].

Заключение

Объяснительный потенциал системной лингвистики позволяет скорректировать или изменить отношение к магистральным направлениям языкознания рубежа XX—XXI веков, предлагать новое решение казавшихся решенными проблем, ставить новые вопросы в том числе в тех областях филологического знания, которые не затрагивались основоположниками классической и современной системной лингвистики В. фон Гумбольдтом,

И.И. Срезневским, А.А. Потебней, И.А. Бодуэном де Куртенэ, Г.П. Мельниковым. Понимание как единого целого типа языка, текста, типа текста, стиля, объяснение особенностей каждого уровня языка и текста и принципа согласования всех уровней между собой одним выявленным в результате применения системного метода свойством остаются в фокусе интереса авторов и участников программы научной стажировки.

Библиографический список

1. *Скребцова Т.Г.* Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: ЯСК, 2018.
2. *Minsky M.A.* Framework for representing Knowledge // P.H. Winston (ed.). *The Psychology of Computer Vision*. New York: McGraw-Hill, 1975.
3. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004.
4. *Fillmore Ch.* Frames and the Semantics of Understanding // *Cuaderni di Semantica*. 1985. № 6(2). P. 222—253.
5. *Langaker R.* Foundations of Cognitive Grammar. Stanford: Stanford University Press, 1986.
6. *Talmy L.* Towards a Cognitive Semantics. Cambridge, MA: The MIT Press, 2000.
7. *Jackendoff R.* Foundations of language: Brain, meaning, grammar, evolution. Oxford and New York: Oxford University Press, 2002.
8. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
9. *Араева Л.А., Булгакова О.А., Калентьева Л.С., Керексибесов У.В., Крейдлин Г.Е., Крым И.А. и др.* Языковая картина мира телеутов. Кемерово: КГУ, 2016.
10. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по языкознанию. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
11. *Араева Л.А., Шумилова А.А.* Фреймовое моделирование словообразовательно-пропозициональной синонимии (на материале русских народных говоров) // *Филологическая регионалистика*. 2012. № 2(8). С. 41—45.
12. *Evans V., Green M.* Cognitive Linguistics: An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006.
13. *Радбиль Т.Б.* Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. М.: ЯСК, 2017.
14. *Чудинов А.П.* Две когнитивных лингвистики // *Политическая лингвистика*. 2011. № 4(38). С. 296—299.
15. *Бицилли П.М.* Заметки о некоторых особенностях развития русского литературного языка // *Избранные труды по филологии*. М.: Наследие, 1996. С. 249—340.
16. *Преображенский С.Ю.* Системный анализ стиха // *Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А.* Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: ЯСК, 2016. С. 303—376.
17. *Мельников Г.П.* О типах дуализма языкового знака // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 1971. № 5. С. 54—69.
18. *Мельников Г.П.* Языковой знак, значение и термин // *Место терминологии в системе современных наук*. М.: МГУ, 1969. С. 89—92.
19. *Мельников Г.П.* Семантика и системная типология // *Вопросы семантики*. М.: Наука, 1971. С. 123—126.
20. *Мельников Г.П.* Системная лингвистика и семиотические основания решения проблем семантики (Статья первая) // *Вестник РУДН: серия Лингвистика*. 2003. № 4. С. 5—14.
21. *Мельников Г.П.* Системная лингвистика и семиотические основания решения проблем семантики (Статья вторая) // *Вестник РУДН: серия Лингвистика*. 2003. № 5. С. 11—20.

22. Труфанова И.В. К каким лексико-грамматическим разрядам относится местоимение который? (статья) // Филологическая наука и школа: Диалог и сотрудничество: сб. тр. по материалам VIII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Л.В. Дудова. М.: Флинта: Наука, 2016. С. 18—28.
23. Труфанова И.В. Лексикографический портрет местоимения *иной* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 3. С. 509—518.
24. Амосова Т.В. Эволюция термина «верховенство права» в условиях глобализации. Лингвистический аспект // Государственная служба и кадры. 2018. № 4. С. 36—39.
25. Амосова Т.В. Принцип правовой определенности в зеркале лингвокультуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2017. № 773. С. 106—118.

References

1. Skrebtsova, T.G. (2018). *Cognitive linguistics: classical theories, new approaches*. Moscow: LRC. (In Russ.).
2. Minsky, M. (1975). *A Framework for representing Knowledge*. In: *The Psychology of Computer Vision*, P.H. Winston (ed.). New York: McGraw-Hill.
3. Lakoff, G. (2004). *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Moscow: LRC Publishers. (In Russ.).
4. Fillmore, Ch. (1985). Frames and the Semantics of Understanding. *Cuaderni di Semantica*, 6 (2), 222—253.
5. Langaker, R. (1986). *Foundations of Cognitive Grammar*. Stanford: Stanford University Press.
6. Talmy, L. (2000). *Towards a Cognitive Semantics*. Cambridge, MA: The MIT Press.
7. Jackendoff, R. (2002). *Foundations of language: Brain, meaning, grammar, evolution*. Oxford and New York: Oxford University Press.
8. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004). *Metaphors We Live By*. Moscow: URSS. (In Russ.).
9. Araeva, L.A., Bulgakova, O.A., Kalentieva, L.S., Kereksibesov, U.V., Kreidlin, G.E., Crimea, I.A. et al. (2016) *Language picture of the world of teleuts*. Kemerovo: KGU. (In Russ.).
10. Baudouin de Courtenay, I.A. (1963). *Selected works on linguistics*. 2. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House. (In Russ.).
11. Araeva, L.A. & Shumilova, A.A. (2012). Frame modeling of word-formation-propositional synonymy (on material of Russian dialects). *Philological regional studies*, 2(8), 41—45. (In Russ.).
12. Evans, V. & Green, M. (2006). *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
13. Radbil', T.B. (2017). *Language and the world: Paradoxes of reflection*. Moscow: LRC Publishers. (In Russ.).
14. Chudinov, A.P. (2011). Two Cognitive Linguistics. *Political Linguistics*, 4(38), 296—299. (In Russ.).
15. Bicilli, P.M. (1996). *Notes on some features of the Russian literary language development*. In: *Selected works on philology*. Moscow: Nasledie. pp. 249—340. (In Russ.).
16. Preobrazhenskij, S.Ju. (2016). *Systemic analysis of the verse*. In: Valentinova, O.I., Denisenko, V.N., Preobrazhenskij, S.Ju. & Rybakov, M.A. *A systemic view as the basis of philological thought*. Moscow. pp. 303—376. (In Russ.).
17. Mel'nikov, G.P. (1971). On the types of linguistic sign dualism. *Philological Sciences. Scientific reports of higher education*, 5, 54—69. (In Russ.).
18. Mel'nikov, G.P. (1969). Language sign, meaning and term. In: *Place of terminology in the system of modern sciences*. Moscow: Moscow State University. pp. 89—92. (In Russ.).
19. Mel'nikov, G.P. (1971). Semantics and systemic typology. In: *Questions of semantics*. Moscow: Nauka. pp. 123—126. (In Russ.).

20. Mel'nikov, G.P. (2003). Systemic linguistics and semiotic foundations for solving the problems of semantics (Article One). *Russian Journal of Linguistics*, 4, 5—14. (In Russ.).
21. Mel'nikov, G.P. (2003). Systemic linguistics and semiotic foundations for solving the problems of semantics (Article Two). *Russian Journal of Linguistics*, 5, 11—20. (In Russ.).
22. Trufanova, I.V. (2016). What lexico-grammatical categories does the pronoun “kotoryj”? // Philological science and school: Dialogue and cooperation: According to the materials of the VIII International scientific-practical conference / L.V. Dudova (ed.). Moscow: Flinta: Nauka. pp. 18—28. (In Russ.).
23. Trufanova, I.V. (2017). Lexicographic portrait of a pronoun “inoj”. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 509—518. (In Russ.).
24. Amosova, T.V. (2018). The evolution of the term “rule of law” in the context of globalization. Linguistic aspect. *Public administration and personnel*, 4, 36—39. (In Russ.).
25. Amosova, T.V. (2017). The principle of legal certainty in the mirror of linguistic culture. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and teaching*, 773, 106—118. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Валентинова Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов (РУДН), руководитель программы научной стажировки «Общая и частная методология филологической науки». *Сфера научных интересов*: системная лингвистика, филологическая герменевтика, история литературного языка, история и теория поэтического языка; *e-mail*: valentinova-ov@rudn.ru

Денисенко Владимир Никифорович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов (РУДН), руководитель образовательных программ магистратуры «Языкознание», «Русский язык». *Сфера научных интересов*: семантические и когнитивные исследования языка; теория семантического поля; контрастивный и сравнительный языковой анализ; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru

Рыбаков Михаил Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов (РУДН), руководитель образовательной программы бакалавриата «Филология». *Сфера научных интересов*: лингвистическая типология, история языкознания, системная теория языка; *e-mail*: rybakov_ma@pfur.ru

Information about the authors:

Olga I. Valentinova, DSc in Philology, Full Professor, Professor at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), the Head of the scientific training program “General and specific methodology of philological science”. Her research interests include systemic linguistics, philological hermeneutics, history of the literary language, history and theory of poetic language; *e-mail*: valentinova-ov@rudn.ru

Vladimir N. Denisenko, DSc in Philology, Full Professor, the Head of the General and Russian Linguistics Department at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), the Head of the master's degree programs “Linguistics” and “Russian Language”. The sphere of research interests includes semantic and cognitive language studies, theory of semantic fields, contrastive and comparative linguistic analyses; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru

Mikhail A. Rybakov, PhD in Philology, Associate-Professor at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), the Head of the bachelor's degree program “Philology”. His research interests include linguistic typology, the history of linguistics, and a systemic theory of language; *e-mail*: rybakov_ma@rudn.ru